

Волошин Дмитрий Алексеевич

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ "ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ" В ОСВЕЩЕНИИ В. Т. СИРОТЕНКО

В статье представлена характеристика взглядов известного отечественного медиевиста В. Т. Сиротенко на комплекс причин и условий, способствовавших принятию научным сообществом сталинских тезисов о "революции рабов", сокрушившей Рим. Помимо сугубо ситуационных условий политического и идеологического плана, в статье определена мера влияния на отечественных исследователей идей Н. Д. Фюстель де Куланжа - в той степени и формах, в которых это влияние трактовал В. Т. Сиротенко.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 42-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.23

Исторические науки и археология

В статье представлена характеристика взглядов известного отечественного медиевиста В. Т. Сиротенко на комплекс причин и условий, способствовавших принятию научным сообществом сталинских тезисов о «революции рабов», сокрушившей Рим. Помимо сугубо ситуационных условий политического и идеологического плана, в статье определена мера влияния на отечественных исследователей идей Н. Д. Фюстель де Куланжа – в той степени и формах, в которых это влияние трактовал В. Т. Сиротенко.

Ключевые слова и фразы: Римская империя; рабы; варвары; «теория революции рабов»; историческая наука.

Волошин Дмитрий Алексеевич, к.и.н.

Армавирский государственный педагогический университет

voloschindim@mail.ru

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ»
В ОСВЕЩЕНИИ В. Т. СИРОТЕНКО**

Тему «революции рабов», ставшей архетипичным воплощением всего того, что позже назовут «сталинизмом в исторической науке», сегодня нельзя назвать обойденной исследовательским вниманием. Пройдя естественный в таких ситуациях период смущенного дистанцирования от всего советского, современная историческая мысль к данному сюжету подходит, будучи движимой энергией столь привычных для нашей науки инверсионных колебаний. Суть сталинской концепции, ее неоднозначное влияние на историческую науку и историков, аргументация последних (как апологетов, так и противников) – все это вопросы, ответ на которые сформирован в настоящее время гораздо более четкий и содержательный, нежели это было в пресловутые 90-е или еще раньше.

Но при этом остаются и вопросы куда менее проясненные – например, вопрос по поводу причин того, почему пара малосвязанных сталинских тезисов, попав на столь благодатную почву, очень скоро обрела статус «теории» (иногда еще говорят о «сталинском концепте»). Т.е. речь идет об идеях, витавших в атмосфере научного дискурса, в умонастроениях сообщества профессиональных историков. Потому и выяснение историографических причин столь непротиворечивого вхождения сталинских тезисов в академическую среду представляет интерес первостепенный. В особенности, если речь идет о соответствующих взглядах такого убежденного и последовательного противника «теории революции рабов», каким был Василий Трофимович Сиротенко (1915–2006). Выяснение позиции исследователя по данному вопросу можно считать отправной точкой, своего рода ключом к пониманию имевших место перипетий научной борьбы вокруг «революции рабов». Итак, почему «революции рабов» удалось стать парадигмальным основанием целого направления исследований древней истории? По версии Василия Трофимовича, тому есть глубокие *историографические предпосылки* и сугубо *ситуационные условия*.

К числу *первых* он относит научное наследие Н. Д. Фюстель де Куланжа (и многочисленных его вольных и невольных последователей), в особенности – статью «Германские завоевания в V веке, их характер и результаты», увидевшую свет на страницах журнала «La Revue des Deux mondes» от 15 мая 1872 года [7, p. 241–268].

При этом Василий Трофимович подчеркивает «заказной» характер сего труда: статья была написана по заказу версальцев с целью «заретушировать» национальную измену буржуазного правительства Франции, перенеся ответственность на Коммуну и революционные массы. Т.е. статья имела вполне себе прикладной характер – она должна была исторически обосновать (а значит, и легитимизировать) террор в отношении коммунаров. Столь специфический заказ, по мнению В. Т. Сиротенко, можно было выполнить, лишь двигаясь по пути тотальной фальсификации прошлого. Как полагал Василий Трофимович, Н. Д. Фюстель де Куланж творил явно под влиянием и по примеру «буржуазной прессы, ложно обвинявшей коммунаров в сговоре с пруссаками» [4, с. 4], наделив аналогичным качеством угнетенные массы римских провинций далекого во всех отношениях и смыслах V века н.э.

Венчает куланжистскую идею имевшего место «сговора» угнетенных масс империи и вторгавшихся варваров его же положение, заключающееся в отрицании факта «германского завоевания» как такового. Здесь Н. Д. Фюстель де Куланж предлагает уходить от исторических обобщений – в сторону фрагментации проблемы:

– Так, вестготы никак не могут быть завоевателями. А вот считать их беженцами, искавшими убежища от гуннов, – куда «историчней».

– Свевы и вандалы – тоже никак не могут быть завоевателями. Это не более чем «преступный элемент», увлеченный банальным разбойным промыслом и грабежами.

– Франки и бургунды и того более – «...слуги империи, ее воины, колонны и земледельцы» [6, с. 573].

В. Т. Сиротенко, иллюстрируя «приемы» Н. Д. Фюстель де Куланжа, в ряде собственных работ особо подчеркивает и следующий сюжет. Как известно, в своей «Истории общественного строя...» автор замечает нарастание критической массы наемников-варваров в позднеимперской армии. Но последствия этого даны в сугубо позитивном ключе, выстроены из пары-тройки логичных и непротиворечивых заключений: 1) факт: «Варваров в римской армии стало больше», 2) следствие: «Воинская повинность для населения империи была облегчена». Таким образом, согласно Н. Д. Фюстель де Куланжу, «подданные императоров ощущали такое облегчение как великое благодеяние» [5, с. 361].

В своем диссертационном исследовании В. Т. Сиротенко указывал, что для источникового обоснования своих положений Фюстель де Куланж собрал *максимально возможное количество одиночных и разрозненных фактов союза между местными жителями и варварами*, содержащихся в трудах христианских апологетов – Аммиана Марцеллина и Зосима [3, с. 81-82]. К слову, именно этот прием – но уже советских историков-апологетов «теории революции рабов» – Василий Трофимович Сиротенко системно и последовательно критиковал (получая в ответ по сути аналогичные обвинения в обобщении отдельных случаев).

Еще один штрих к методологическому портрету Фюстель де Куланжа – историка Рима – его тяготение к весьма распространенному в то время приему: 1 этап – подбор единичных фактов; 2 этап – вычленение единичных фактов из конкретной действительности; 3 этап – произвольное толкование (обобщение единичных фактов). В. Т. Сиротенко в этой связи приводит пару таких примеров: 1) из факта признания епископом Ремигием власти франкского короля Хлодвига Фюстель де Куланж сделал вывод: «Хлодвиг, вероятно, встретил на своем пути не одного епископа <...>, и не один город, который считал выгодным отворить ему ворота» [6, с. 611]; 2) факт нахождения в лагере вестготов Аттала он полагал доказательством пребывания в этом самом лагере *множества* галло-римлян. Равно как и свидетельства о добрых отношениях римских и варварских элит (крупных землевладельцев и королей) Н. Д. Фюстель де Куланж считал подтверждением якобы имевшего место союза местных жителей и варваров. Однако всех вышеперечисленных средств и ухищрений, как полагал В. Т. Сиротенко, было все-таки недостаточно. И тогда Н. Д. Фюстель де Куланж усилил значение этих фактов путем предположений, догадок и умозаключений, сделанных им на основании аналогий с другими эпохами.

Таким образом, отслеживая «куланжистский след» в увлечении советскими историками идеей «рабской революции», В. Т. Сиротенко и саму «теорию революции рабов» по сути воспринимал как очередную вариацию далеко не новой для историописания мифологемы о том, как угнетенные массы Древнего Рима в V в. н.э. не только сами призывали варваров, но становились их союзниками в «завоевании» собственной страны.

И в то же время, одной лишь ссылкой на давнее присутствие в исторической мысли вряд ли можно объяснить, почему эта версия обрела такую популярность в советской науке, начиная со второй половины 30-х гг. И потому В. Т. Сиротенко ведет речь о сугубо *ситуационных условиях*, поспособствовавших этому. В числе первостепенных по значимости обстоятельств В. Т. Сиротенко называет несовершенство приемов советских историков на фоне слабого развития конкретных исследований. Другими словами, речь идет о принципе «обобщения единичных случаев»: в 30-е годы XX в. факты сопротивления рабов, крестьян, колонов, маргинализованных горожан изучены не были, но «факты перехода отдельных групп местных жителей или одиночек на сторону варваров оказались поднятыми на поверхность в целом ряде работ и исследований» [3, с. 179]. И в этом смысле у «революции рабов» в 30-е годы не было альтернатив, как не было и соответствующих условий ее неприятия. Если вести речь об условиях научного плана – не было профессионально выполненных работ по социальным движениям в Римской империи, трудов, освещавших двоякую роль варварских контингентов – в защите Империи и подавлении внутренних мятежей. Лишь много позже наука пришла к пониманию социальной механики, когда «...часть родоплеменных вождей сближалась с местной знатью, а часть рядовых варваров сближалась с основной массой крестьян и горожан» [Там же, с. 181]. Ну а о политических условиях, препятствовавших распространению одиозных представлений, и говорит нечего – здесь все, так сказать, по «классике» («Цитата № 1» + «Цитата № 2»): а) «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев...»; б) «вышло то, что не-римляне, т.е., все “варвары”...» [2, с. 191]. Хотя в этой связи В. Т. Сиротенко делает интересное замечание: «...у Сталина фактически речь шла о двух разных проблемах – падения рабовладельческого строя в результате революции рабов, и падении Рима в результате наступления варваров» [3, с. 181]. Но советские историки пошли по иному пути, на деле механически соединив так называемую «революцию рабов» и «варварские вторжения» воедино. Тем самым, как полагал В. Т. Сиротенко, они по сути скорректировали сталинские тезисы, сведя их к традиционному представлению по данному вопросу.

Таким образом, по версии В. Т. Сиротенко, «зачинщиком» будущих заблуждений советских историков являлся Н. Д. Фюстель де Куланж. Его тезис о том, что «германских завоеваний» не было (а если они и были осуществлены – то это в первую очередь дело рук самих римлян, перешедших на сторону немногочисленных варварских сил), подготовил почву для принятия сталинского концепта «революции рабов». Последнее обстоятельство, полагал В. Т. Сиротенко, совершенно не снимает ответственность за тиражирование и популяризацию уже сталинских тезисов со стороны целого ряда отечественных специалистов. И последнее обстоятельство имеет принципиальное значение, ибо психологические основы эволюции отечественной исторической науки и сейчас во многом остаются неизменными.

Список литературы

1. **Вайнштейн О. Л.** История советской медиевистики. 1917-1966. Л.: Наука, 1968. 426 с.
2. **Волошин Д. А.** Теория революции рабов: монография / отв. ред. С. Л. Дударев. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.
3. **Сиротенко В. Т.** Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI в. (в трех томах): дисс. ... д.и.н. Пермь, 1968. Т. 1. 425 с.
4. **Сиротенко В. Т.** Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов: учебное пособие. Днепропетровск: ДГУ, 1990. 80 с.
5. **Фюстель де Куланж Н. Д.** История общественного строя Древней Франции / пер. с фр., под ред. И. М. Гревса. СПб.: Типо-литография Альтшулера, 1901. Т. 1. Римская Галлия. 403 с.
6. **Фюстель де Куланж Н. Д.** История общественного строя Древней Франции / пер. с фр., под ред. И. М. Гревса. СПб.: Типо-литография Альтшулера, 1904. Т. 2. Германское вторжение и конец империи. 717 с.
7. **Fustel de Coulanges N. D.** L'Invasion germanique au Ve siècle, son caractère et ses effets // La Revue des Deux mondes. 1872. Т. 99. P. 241-268.

HISTORIOGRAPHICAL PRECONDITIONS OF “THEORY OF SLAVES’ REVOLUTION” IN INTERPRETATION OF V. T. SIROTENKO

Voloshin Dmitrii Alekseevich, Ph. D. in History
Armavir State Pedagogical University
voloschindim@mail.ru

The article presents a description of the well-known native medievalist V. T. Sirotenko’s views on the complex of reasons and conditions that contributed to the adoption of Stalin’s theses on the “slaves’ revolution” that crushed Rome by scientific community. Besides purely situational conditions of the political and ideological aspect, the paper determines the extent of N. D. Fustel de Coulanges’s ideas influence on native researchers – in the degree and forms, in which that influence was interpreted by V. T. Sirotenko.

Key words and phrases: The Roman Empire; slaves; barbarians; “theory of slaves’ revolution”; historical science.

УДК 111.82; 141.13

Философские науки

В статье представлен философский текстологический анализ некоторых фрагментов трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». Подробно рассматривается, как Сартр раскрывает присутствие «ничто» в контексте «самообмана». В основании позиции автора лежит герменевтический подход к историко-философскому анализу понятий, согласно которому их смысл невозможно реконструировать без обращения к понятийной среде исследуемых философских текстов. Также в статье отмечено, что рассматриваемые понятия не замкнуты текстом «Бытия и ничто», но отсылают к работам Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера.

Ключевые слова и фразы: ничто; бытие сознания; самообман, ничтожение; свобода; отрицание; Сартр.

Воропаев Дмитрий Николаевич, к. филос. н., доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
div79@bk.ru

ПОНЯТИЕ «НИЧТО» В КОНТЕКСТЕ «САМООБМАНА» В «БЫТИИ И НИЧТО» Ж.-П. САРТРА

Проблема «ничто» в трактате «Бытие и ничто» поставлена в контексте феноменологической трактовки бытия сознания. Общая понятийная среда, в которой в данном случае находится «ничто» и на фоне которой только и возможно реконструировать его смысл, предполагает следующие понятия: «отрицание», «бытие», «небытие», «ничтожение», «сознание», «феномен», «бытие-для-себя», «другой», «свобода», «временность», «трансцендентность», «дорефлексивное *cogito*». Указанные понятия не исчерпывают понятийную среду работы, но составляют основной ее корпус. Кроме того, Сартр вводит ряд понятий с целью прояснить бытие сознания, а также раскрыть постоянное присутствие «ничто». Одним из таких понятий является «самообман».

С точки зрения Сартра, человеческое бытие может занимать в отношении себя отрицательные позиции. Это означает для него, что сознание является таким бытием, которое предполагает иное бытие и может поставить под вопрос собственное бытие. Наличие отрицательности обуславливает возможность «ничтожения» и открытия «ничто» вне себя и в себе. Ничтожение «возможности» имеет место быть не только по отношению к себе, но и по отношению к другой человеческой реальности. Ничтожение в социальной реальности проявляется как «Нет», и это «Нет» воплощается различным образом. Сартр считает, что есть люди, единственной социальной реальностью которых до самой смерти может стать такое отрицание [4, с. 120]. К таким людям он относит охранников, сторожей, тюремщиков, т.е. тех людей, функцией которых является ничтожение того, что другой человек полагает как свою «возможность». Так, охранник воплощает «Нет», например, для желающего убежать заключенного. Побег как проекция будущего является для него *своей* «возможностью». Но наличие возможности сразу содержит в себе отрицание, приоткрывающее «ничто». Побег может и не состояться, реальность в этом случае открывает «ничто». Но «ничто» уже предстает перед заключенным как вариант развития событий, в котором побег оказывается невозможным. Кроме того, наличие другой человеческой реальности, в данном случае охранника, воплощает для заключенного внешнее «Нет», которое ничтожит его «возможность» как возможность побега.

Наличие отрицания в сознании и позиция отрицания по отношению к себе могут проявляться различным образом. Человек может что-то утверждать для того, чтобы отрицать, может создавать некий положительный объект, «который не имеет другого бытия, кроме своего ничто» [Там же]. По мысли Сартра, если отрицание направлено в сознании не к чему-то внешнему, но по отношению к себе, то такая позиция определяется им как позиция самообмана. Исследуя самообман, Сартр раскрывает сознание как бытие, которое может отрицать себя, и бытие, в котором возможно «ничто».